

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

События Гражданской войны в рассказах калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова

*Делгир Юрьевна Топалова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: delya.top@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Топалова Д. Ю., 2020

Аннотация. В статье на примере ряда произведений рассматривается тема Гражданской войны в творчестве писателя-эмигранта Санжи Балыкова. Актуализируя документальное начало в произведениях, автор проецирует основные моменты возникновения калмыцкой эмиграции, выстраивает весь исторический фон вынужденного массового исхода калмыков за рубеж. Рассказы С. Балыкова — достоверный исторический документ, описывающий сложное «время-пространство» калмыцкой истории. И в повествовании в целом, и в образах героев рассказов воплотилась драматическая судьба нации, всеобщее бедствие, безусловно, неотделимое от судьбы самого писателя. Достижение автора состоит в том, что, показав трагедию и судьбу калмыцкого народа в совершенно ином свете, он «перевернул» прежние взгляды на события истории, о которых в калмыцкой художественной литературе до него никто не писал.

Ключевые слова: калмыцкая эмиграция, Гражданская война, калмыцкая литература, документальность, память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монголоязычных народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. События Гражданской войны в рассказах калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2 С. 198–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

The Civil War Events in the Stories of the Kalmyk Writer-Emigrant S. Balykov

*Delgir Yu. Topalova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
E-mail: delya.top@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Topalova D. Yu., 2020

Abstract. The article analyzes the Civil War theme in the work of emigrant writer Sanzha Balykov based on the example of a number of works. Updating the documentary beginning in the works, the author projects the main points of the emergence of Kalmyk emigration, builds the entire historical background of the forced mass exodus of Kalmyks abroad. The stories of S. Balykov are a reliable historical document describing the complex “time-space” of Kalmyk history. Both the narrative as a whole and the image of the heroes of the stories embody the dramatic fate of the nation, the universal calamity that is obviously inseparable from the fate of the writer himself. The author’s achievement is that, having shown the tragedy and fate of the Kalmyk people in a completely different light, he “transformed” his previous views on the events of history that have not been described in Kalmyk fiction before him

Keywords: Kalmyk emigration, Civil War, Kalmyk literature, documentary, memory

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Yu. The Civil War Events in the Stories of the Kalmyk Writer-Emigrant S. Balykov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 2. C. 198–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

Трагические события Гражданской войны послужили причиной массового исхода людей в страны Западной Европы. Калмыки-эмигранты оказались «рассеяны» по странам: в Болгарии, во Франции, в Югославии, Чехословакии, Германии. Судьбы их складывалась по-разному, при этом характерно, что многие из них, в том числе участники Белого движения, многочисленных военных действий, а также члены Донского правительства: Санжи Балыков (1898–1943), Доржа Ремилев (1897–1957), Бадьма Уланов (1880–1969) и др., находясь в условиях изгнания, встали на путь возрождения калмыцкой национальной культуры. Деятельность и творчество этих и других представителей калмыцкой эмиграции представляет существенный научный интерес и позволяет определить картину духовной жизни оказавшейся в изгнании части калмыцкого народа, которая остается малоизученной в калмыковедении. Опыт калмыцкой эмиграции показал, что приобщение к исторической памяти, к материнскому языку, этническим духовным ценностям и традициям дает народу возможность сохранения этнической идентичности даже в среде инонациональной культуры. В этом смысле К. К. Султанов отмечает, что обращение к традиции как средоточию ценностей или, точнее, ее удержание в нетрадиционных экстремальных условиях превращается в форму самосохранения и самоуважения, возвращая человеку ощущение преодоленной бездомности [Султанов 2007: 8]. В целях «самосохранения» этнической группы, поддержания национального самосознания как одной из форм идентичности на чужбине культурная работа активной калмыцкой интеллигенции за рубежом была обусловлена, в первую очередь, возрожденческими целями, связанными напрямую с задачами сохранения национальных традиций, национального калмыцкого письма, создания калмыцкой литературы на нем, а также собирания памятников устного народного творчества, что в основе своей составляло базу для дальнейшего развития калмыцкой культуры вне исторической родины.

В среде, бережно хранившей родной язык, духовные ценности, завещанные предками, появление такого писателя, как Санжи Балыков, неслучайно. Человек интересной судьбы, многогранная

личность, один из талантливых писателей, классиков калмыцкой литературы, он жил и творил вдали от родины. Впрочем, в ряды калмыцких литераторов С. Балыков вошел сравнительно недавно, лишь в начале 1990-х гг. До этого времени автор практически не был известен калмыцкому читателю¹, между тем он — один из тех, с чьим именем связано возникновение калмыцкой публицистики, становление жанров рассказа и романа в калмыцкой литературе. Несмотря на разлуку с родной землей, С. Балыков сердцем был всегда со своим народом. С самого начала своей писательской и общественной деятельности и до конца он был верен мысли о возрождении национальной самобытности, развитии культуры, придавал большое значение проблемам недостаточного роста национального самосознания калмыцкого народа, исчезновения родного языка, ратовал за судьбу и перспективу развития калмыцкой литературы.

Значительное место в творческой биографии С. Балыкова занимают рассказы о трагедии в судьбе народа. Речь идет о событиях Гражданской войны и ее последствиях для судеб человечества. Для писателя эти произведения — воспоминания о пережитом. Тема Гражданской войны разрабатывалась им на протяжении всей его литературной деятельности и была сквозной в его творчестве. Она нашла свое выражение как в мемуарных работах автора, так и в его художественных произведениях. Как творческая личность он состоялся в эмиграции, однако в статье «Собрание»² посвященное

---

¹ В советский период тема калмыцкой эмиграции по известным на сегодня причинам не освещалась, что было связано с недоступностью фондов, а также с идеологическими концептуальными рамками. Вместе с тем, калмыцкие ученые с привлечением обширных источников освещали вопросы революции и Гражданской войны [Иванько, Наберухин, Орехов 1968; Шовунов 1992], а в более поздний период специальное монографическое исследование истории Гражданской войны в Калмыкии предпринял У.Б. Очиров [Очиров 2006]. История калмыцкой эмиграции стала изучаться в постперестроечный период, и первым монографическим исследованием стала книга И. В. Борисенко и А. Т. Горяева «Очерки истории калмыцкой эмиграции» [Борисенко, Горяев 1998].

² Знаки препинания в заголовке газетной публикации, опубликованной неизвестным автором в газете «Обозрение» (1948 г.), сохраняются.

памяти писателя С. Б. Балыкова», опубликованной неизвестным автором в газете «Обозрение» в 1948 г., в рубрике «Из калмыцкой жизни...», отмечается: «...творческую работу он начал еще на родине. На фронте же, в походе он пользовался каждой минутой свободного времени, чтобы записать виденное, пережитое. В походных сумках его было большое количество рукописей» [Зритель 1948: 4]. Будучи с осени 1919 г. в звании адъютанта командира Зюнгарского полка, он участвовал во всех боевых операциях этой части Добровольческой армии. Позже все серьезные сражения как реальный участник он подробно описал в художественно-мемуарном произведении «Воспоминания о Зюнгарском полку», впервые вышедшем в печать в 1927 г. в журнале «Улан Залат» [Балыков 2014], а также в других очерках. «Памяти генерала Краснова» (мемуарный очерк о жизни и деятельности атамана Всевеликого войска Донского, генерал-майоре Русской Императорской армии Петре Николаевиче Краснове 1869–1947) [Балыков 2014], «На берегу» (о жизни Зюнгарского полка: стоянка в Адлере) [Балыков 2014], «На мосту» (о гибели N-ского полка, в котором служили калмыки, и молодого хорунжего Крымцева) [Балыков 2014], «Памяти полковника Г. Э. Тепкина» (о жизнедеятельности полковнике Зюнгарского полка Гаврииле Эрдневиче Тепкине 1891–1920) [Балыков 2014], «К двадцатилетию начала нашей борьбы» (о жизни донских юнкеров в Новочеркасске, под Кизитеринкой и в Ростове осенью 1917 г.) [Балыков 2014: 181–206] и многие другие творения автора являются на сегодня своеобразным историческим документом той эпохи. Писатель был непосредственным участником описанных событий, и специфику этих произведений определяет художественно-документальный и автобиографический характер.

Так, в рассказе «Четыре встречи», наряду с основными сюжетными событиями, представлена картина исхода небольших частей Белой армии и беженцев в январе 1920 г. Безмолвная толпа беженцев является ключевым образом в этом сюжете:

...Стояли январские дни с сильными ветрами и холодными дождями. По размякшей черноземной дороге на Кубани шли разрозненные, хмурые промокшие небольшие части Белой армии.

По этой же дороге, попеременно с войском, шли многочисленные подводы беженцев — донских калмыков, снявшихся при приближении красных с веками насиженных мест и пустившихся в неведомое странствие от стара до мала, со всем домашним скарбом и скотом. Скот и скарб уже давно брошены, и калмыки теперь уже были нищие.

<...> Иные с полстяными будками на возилках и можарах, другие на бричках и дрогах, многие пешком, кое-кто верхами, голодные и изнуренные, тянулись его сородичи, увязая в липкой грязи. Весь их путь был отмечен свежими следами смерти, нечеловеческих страданий. Не видя крова ни днем, ни ночью, грязные и завшивевшие, или они, стараясь не отстать от частей войск.

С непроницаемо-равнодушными лицами без ропота на Бога, покорно перенося несчастья, упорно шли они вперед, не зная сами куда.

Тиф свирепствовал среди них.

Павшие от истощения лошади, быки, верблюды, брошенные подводы с вещами калмыцкого хозяйства, умершие и брошенные без погребения люди, наконец, кое-где полуживые, оставленные у дороги за невозможностью дальше везти, — отмечали путь многострадального народа.

Там маленькая девочка, увязая в грязи, вела на поводу исхудалую лошаденку, на которой с трудом держалась больная тифом мать. Здесь мальчуган правил парой лошадей в бричке. Мальчик радовался, что отец его, все время стонавший и бредивший, уснул и уже целый день лежит без движения и без звука... [Балыков 2014: 60].

В романе «Девичья честь» С. Балыков также делится воспоминаниями о том, как в ходе боев белогвардейские войска постепенно вытеснялись с калмыцкой территории, только речь уже идет о событиях марта 1920 г. В это время победа красных была очевидна. Деникинским полкам, продвигавшимся на юг, уже не было смысла сопротивляться. Частями 11-й Красной армии все улусы были освобождены. Повсеместно была восстановлена Советская власть. Остатки белогвардейских полков стремительно отходили на юг: на Кубань (к Екатеринодару), далее — к Адлеру, Новороссийску и Туапсе. Вместе с ними следовали и беженцы, в основном, из Сальских степей: «В сумятице и бестолковщине калмыцкое беженство

разбились на две главные части и пошли двумя путями. Одна из них, следуя за Зюнгарским полком, пошла по горным ущельям к морю — на Ашэ, другая же, следуя за молодым, 3-м калмыцким полком, вдоль железной дороги пошла на Новороссийск» [Балыков 1993: 223], куда должны были прийти пароходы.

В рассказе «Четыре встречи», актуализируя документальное начало, Балыков уточняет, что большая часть беженцев-калмыков не дошла до Черного моря. «Старые, больные, безлошадные, отставая по пути, одновременно были захвачены большевиками, у которых подвергались новым мукам издевательства и насилия. Но избежавшим участи было мало радости» [Балыков 2014: 62]. Что касается командования Белой армии, то оно, замечает писатель, было занято на тот момент спасением «собственных шкур» [Балыков 2014: 62] и заботой о своих надежных частях. О каких-то беженцах, да еще калмыках, думать было некому на тот момент [Балыков 2014: 62]. Пройдя путь страданий, они должны были остаться здесь и попасть в руки врага, не имея возможности переплыть море. Лишь немногим удалось попасть на пароходы. Нашлись и такие, которые предпочли морское дно плену [Балыков 2014: 62] и мучительной смерти. Паника, охватывающая голодных, измученных и злых людей, отчаянье, невозможная давка, из-за которой не хватало воздуха, раздающиеся отовсюду истошные крики и беспорядочная стрельба, войска, беженцы, лошади, развороченные подводы — от всей этой страшной коловерти веяло смертельной опасностью. Как свидетельствуют очевидцы, люди, доведенные до крайнего отчаянья, обезумевшие от горя, умерщвляли своих грудных детей, ударяя их головой о придорожный камень, или же бросали их в море, кидая головой о скалы, а после сами бросались в море³.

В художественно-документальном очерке «На берегу» есть эпизод из жизни Зюнгарского полка, находившегося под командованием Г. Э. Тепкина в Адлере, куда должны были прийти па-

³ Так, И. М. Калинин вспоминал: «Отчаливая от мола, иные калмычата швыряли о камень своих детишек, а сами бросались в воду» [Калинин 2012: 18].

роходы, направлявшиеся в Крым. По словам Балыкова, именно здесь завершился очередной трагический этап казачества. Одна часть Добровольческой армии, брошенная командованием, уходя на западную окраину города, стала постепенно сдаваться в плен. Это решение было принято людьми от безысходного положения. «Длинными, смущенно притихшими вереницами» [Балыков 1993: 239] военные части вяло тянулись на западную окраину города. Говоря об этом печальном факте, писатель отмечает, что нашлись даже так называемые «генералы» [Балыков 1993: 239], которые руководили непосредственно организацией этого процесса.

Другие полки, те, кто решил идти до конца в своей борьбе, продвигались на восток от Адлера, где все ожидали спасительных пароходов. Начальником Донской дивизии генералом Н. П. Калининым был отдан приказ по прикрытию людей при погрузке на пароход. В случае появления противника Зюнгарский полк под командованием Г. Э. Тепкина должен был вступить в бой, тем самым задержав его.

Генерал-майор М. М. Семенцев, командир Донской конной бригады, окончательно потеряв надежду на победу, посоветовал Тепкину вести зюнгарцев за ним, в Грузию. Там планировалось интернироваться, провести переговоры с Москвой, получить амнистию и вернуться домой, не попадая в «руки армии» [Балыков 2014: 241]. Однако калмыцкий полковник отказался, считая, что его долг — сделать так, чтобы возглавляемый им полк стоял до конца, и при этом неважно, сколько они продержатся. Он также заявил, что будет биться до конца вместе со своими братьями, и из двух смертей он предпочитает смерть после борьбы [Балыков 2014: 242]. Выслав по команде генерала Калинина вторую сотню на прикрытия погрузки, Тепкин до последнего, в одиночку, ждал на берегу свою дивизию несмотря на то, что все полки уже шумно и весело грузились на пароходы, которые готовились к отплытию в Крым. И только по ее прибытии сам сел на пароход. Что же касается белоказаков, донских и кубанских, скопившихся в порту Новороссийска (это были лучшие командиры донских полков и батарей), то, согласно содержанию романа С. Балыкова «Девичья

честь», они действовали по намеченному плану — отправились в Грузию.

14 марта 1920 г. Белая армия (не в полном своем составе) была переправлена на судах из района Новороссийска в Крым. Остальные полки были вывезены из других портов. Зюнгарский полк «грузился» на пароход у Нового городка. По свидетельству автора, здесь находились только Донские части, и погрузка проходила спокойно. Однако удавалось пробраться на пароход и немногим подоспевшим калмыкам-беженцам [Балыков 2014: 62].

Четыре месяца, проведенные в Крыму, прошли в частых и кровавых боях. Жертвы калмыцкого полка увеличились еще сотней убитых и искалеченных его сынов. Калмыцкий полк до конца исполнял свой долг перед родиной [Балыков 2014: 63]. Спустя время войска Южного фронта РККА во главе с М. В. Фрунзе ворвались в Крым, Белая армия вынуждена была начать отступление. В рассказе «Четыре встречи» Балыков пишет об этом кратко следующее: «Красные загнали белых сперва в Крым, а потом ворвались в это “гнездо белых”». Белая армия кинулась к портам и опять спешно стала грузиться» [Балыков 2014: 63]. Из портов Керчи, Феодосии, Севастополя, Новороссийска эвакуация проходила несколько дней. По воспоминаниям писателя, на разных пароходах за границу выехало больше трех тысяч калмыков, примерно такое количество людей осталось в Крыму. Зюнгарский полк в составе Русской армии Врангеля был эвакуирован в Турцию. По прибытии калмыцкий полк, как свидетельствует писатель, зиму 1920–1921 гг. провел в лагере для беженцев Кабаджа. На тот момент С. Балыков являлся адъютантом командира полка. Вспоминая тяготы лагерной жизни, он писал: «В норах, вырытых в сырой земле и накрытых землей же, прозимовали здесь калмыки, терпя голод и холод» [Балыков 2014: 63].

Живой портрет молодого командира Зюнгарского полка в форме мемуарных воспоминаний, помимо произведений «На берегу» и «Четыре встречи», содержит также очерк «Памяти полковника Г. Э. Тепкина» [Балыков 2014]. Писатель указывает на то, что его сведения о своем командире обрывочны, ибо до принятия Г. Теп-

кина в полк он не знал его лично. Подробно С. Балыков вспоминает и описывает первый приезд будущего командира в полк, а также его боевое «крещение» в звании командира полка, которое он выдержал «безукоризненно» [Балыков 2014: 15]. Автор много пишет о человеческих качествах Тепкина, который на фоне большинства предыдущих командиров «Зюнгарского полка» отличался: приятно поразил весь полк своей честностью, корректностью, чуткостью, храбростью при исполнении любых заданий. Безупречность Г. Тепкина как командира выражалась в соблюдении строгости относительно служебных обязанностей.

Произведения С. Балыкова отличаются психологизмом и предельной достоверностью описанного. В этом плане основное внимание, например, в его художественных рассказах занимает документальная хроника событий Гражданской войны на примере судеб отдельных калмыцких семей. Рассказ «Отцы» начинается словами: «Не легенду, а быль, свидетели которой живы, хочу передать моим братьям. Много кровавого, незабываемого пришлось испытать калмыкам в безобразных событиях русской революции» [Балыков 2014: 49]. События происходят ранней весной 1918 г. В хотон, состоящий из восьми кибиток, нагрянул красногвардейский отряд из десяти человек. Для безоружных жителей, при отсутствии в этот час взрослых мужчин, поивших далеко от хотона коней, это была непреодолимая сила. Солдаты бесчинствовали: забирали все ценное, женщины-калмычки насильовались на виду у всех.

Ворвавшись в кибитку Баклана Шальнинова, которого не было дома, красногвардейцы повели на расстрел его пятнадцатилетнего сына Бембика. Мать подростка, заступившуюся было за единственного сына, сильным толчком приклада в грудь отбросили в сторону.

В это самое время подъехал отец мальчика, Баклан. «Высокий, сутулый, тихий и смиренный калмык тридцати семи – тридцати восьми лет» [Балыков 2014: 50]. Увидев родного сына под дулами винтовок, он бросился в ноги солдатам, прося пощады своему ребенку. В ответ солдат насмешливо спросил Баклана, согласен ли

он, чтобы его расстреляли вместо сына. Тот без раздумья согласился. Помолившись и приложив голову к медной статуе Будды, он «... глубоко вздохнул, окинул прощальным взором внутренность кибитки, посмотрел на лежащую без чувств свою жену. Не спеша вышел. Подошел к дрожавшему сыну, поцеловал его в обе щеки. Срывающимся тихим голосом сказал: „Иди к матери“. Повернулся лицом к красноармейцам. Два выстрела, раздавшиеся одновременно, уложили его наповал» [Балыков 2014: 51].

Из кибитки напротив на расстрел вывели семнадцатилетнего Хани. Его отец, Бальджи Менгинов, старик лет за пятьдесят, больной лежал в кибитке. Когда сына повели на расстрел, он выскочил за красноармейцами, предложив себя взамен. Одни из них заинтересовались этой занятной комбинацией, однако второй, взглянув на зубы Бальджи, посчитал, что тот уже слишком стар и скоро сам «сдохнет» [Балыков 2014: 51]. Сына расстреляли на глазах у отца.

Подобные рассказы Санжи Балыкова спокойно читать невозможно. Память писателя, вырываясь из глубин сознания, ложится в основу его небольших произведений, обжигая правдой и достоверностью. Отсюда такая психологическая глубина описываемых сцен и особая, неподражаемая внутренняя экспрессия образов. В рассказе «Победа» перед читателем предстает обобщенный образ «осатанелого большевика» [Балыков 2014: 44], жалкого, мерзкого Болхакова. «От матери, первой в аймаке злослышной скандалистки, и отца, изворотливого конокрада, унаследовал Радни Балхаков дух беспокойный, мысли дерзкие и хлесткий язык...» [Балыков 2014: 44]. «Растоптав родные традиции и мораль» [Балыков 2014: 44], забыв бога и народные святыни, он стал одним из главарей большевиков. Когда калмыцкий округ был занят красными, станичные богачи еле успевали откупаться от террора комиссара Радни деньгами, зерном, хлебом, баранами и бычками. Семья Балхаковых зажила, как никогда, в праздничном изобилии, в сытости и удовольствии, в отличие от других дворов.

Весной 1918 г. пала власть сторонников большевизма, как ее характеризует С. Балыков, «кровавая, ненасытная и паразитическая власть» [Балыков 2014: 45]. Все комиссары, красноармейские

взводы были арестованы. Однако Радни Балхакову удалось тогда сбежать из станицы. Грехи сына невинными головами искупили его родители [Балыков 2014: 45].

Ровно через год, когда весной 1919 г. калмыцкие станицы были захвачены «красной лавой», Радни «обозленным зверем» [Балыков 2014: 46] прискакал в родной Богшурганский аймак. С. Балыков показывает, каким гнусным изменениям, мерзостям подвергается порой человеческая душа, опьяневшая, совершенно обезумевшая от мести и готовая на новые кровопролития в борьбе за «светлое будущее». В кипящей злобе, заходя в каждый дом, нашел Балхаков одного больного беззащитного сироту-старика. Голого, дрожащего на исхудалых ногах, толкая дулом маузера, выгнал он его за станицу и заставил рыть себе могилу.

— *Сынок, зачем заставляешь рыть яму — не нужна мне яма, застрели и оставь лежать, пусть собаки и птицы поедят мое мясо, — брался увещевать старик своего палача.*

— *Рой-рой!.. Старый буржуй, хоть перед смертью потрудись! Жаль, что станица пуста, а то я бы показал, как моих родителей убивать!.. Ламу бы вашего собственными руками задушил, чтобы богами народу голову не морочил! — кричал в ответ Радни.*

— *Не грехи, сынок. Тягайся с людьми, а Бога не трожь, — ворчал старик, трудясь над ямой.*

— *Молчать!.. Старый болван!.. Какой тебе бог? Я победил всех твоих богов! Вон храм ваш, так пойду я туда, пойду и сделаю то, что люди делают в балке!..*

— *Не хвались сгоряча. Не допустят тебя силы верхние до этого. Даром тебе это не пройдет... Ну, сынок, яма готова, можешь стрелять, — спокойно сказал старик, укладываясь в мелкой яме головой на восток и тихо шепча молитву... [Балыков 2014: 47].*

В произведении «Рассказ калмычки», небольшом по объему, повествование идет от третьего лица, главной героини. Сюжет основан на рассказе женщины-калмычки. В нем отражаются события, происходящие с народом накануне захвата донских станиц большевиками, при этом действия локализуются в одни сутки. Рассказ начинается со строк: «Народу в нашей станице умирало

тогда, зимой 19-го года, без счету» [Балыков 2014: 121] и заканчивается следующим: «Долго и часто снилась мне потом эта картина, и до сих пор, как вспомню, дрожь берет...» [Балыков 2014: 125]. В этих двух предложениях достаточно емко передана та мера духовной тоски и подавленности, которую испытывал каждый, кому довелось пережить события Гражданской войны. Из последнего предложения можно также понять, что произведение основано на приеме ретроспекции.

Именем героиня не наделена. О ее жизни и возрасте автор также ничего не пишет. Отмечается лишь, что с мужем, есаулом Бадьмой Борманжиновым, они женаты полгода, при этом еще месяца не жили вместе. Он только прибыл из Зюнгарского полка домой и слег, так как заболел. Сама она только начала поправляться от брюшного тифа. Муж тоже потихоньку шел на поправку. Женщина мечтает, что жизнь, возможно, скоро наладится, и они поедут домой. Однако на тот момент она и предположить не могла, что уже к утру станица будет окружена вооруженными большевиками. Автор акцентирует внимание на беспомощности и в то же время внутренней силе женщины. Одев мужа, у которого начался приступ с температурой, едва успев прихватить лишь саквояж с ценностями, с трудом найдя дрогаля, героиня приезжает на станцию, где уже полно народу. Однако выясняется, что поезд не поедет — слишком поздно, красные уже атаковали станицу.

На фоне всеобщей сумятицы, происходящего хаоса, беспорядочной массы людей, которая выбегала из вагонов поезда и тут же утопала в непролазной грязи, автор акцентирует внимание на том, как вели себя многочисленные представители вооруженных большевиков, которые творили бесчинства. По воспоминаниям рассказчика, придерживая больного, еле идущего мужа под руку, в суматохе она забыла снять погоны с его шинели. Наскоро оторвав, она быстро втоптала их сапогами в грязь, да только поздно уже было. Прямо к ним навстречу приближался солдат с красной звездой на шапке:

— *Стой! Давай деньги!* — заорал он и направил прямо в грудь мужа винтовку.

— *Напе, напе, тут есть,* — сказала я и протянула ему саквояж.

Он взял его с коня и поскакал дальше. Там все ценности и погибли. Было там: кольцо с бриллиантом, что сестра Джиджма мне подарила, когда я замуж выходила, сережки такие же, еще коралловые, три золотых кольца, две пары золотых браслет, десяток старинных золотых монет, часы золотые. Но в тот момент я и не подумала их жалеть, только теперь часто думаю: «а что, если бы не отдала, убил бы он меня, или нет?» [Бальков 2014: 122].

Направляясь к станции, героиня останавливает возилку с будкой, которую ведет калмычка. В подводе сидели двое детей трех и пяти лет. На вопрос, можно ли положить больного мужа на возилку, калмычка молча остановила подводу и помогла его посадить. Однако не успели они даже отъехать от того места, как к ним подъехали двое верховых:

— *Стой! Ты, скидывай сапоги!* — приказал мне один. Я села прямо в грязь, стянула мои новенькие сапожки и отдала. Они взяли и поехали дальше. Я осталась босиком, а грязь по колено, холодно <...> [Бальков 2014: 122].

Характерна реакция незнакомой калмычки в этом случае, хозяйки подводы. Отъехав немного вперед, она снова молча, без слов полезла в будку и достала мужские валенки для рассказчицы. Чувствовалась ее доброта и в то же время щемящая душу отчужденность, подавленность, которая бывает только у людей с исстрадавшейся душой, окончательно «оглохших» от внутренней боли, равнодушных ко всему, что происходит вокруг, похоронивших последнюю надежду на жизнь. Люди с такими «непроницаемо-равнодушными лицами без ропота на Бога» [Бальков 2014: 60] присутствуют во многих произведениях автора.

Они проехали вперед лишь несколько метров, и ось одного колеса повозки развалилась пополам. Однако внимание писателя вновь обращено на хозяйку подводы, которая в этот момент начала сосредоточенно наворачивать кнут на кнутовище и туго затягивать кушак. Пока рассказчица вытаскивала мужа из будки, она куда-то исчезла, а плачущие дети остались на возилке. Чьи

это были дети, хозяйки возилки, чужие ли? Автор же, как наблюдатель, не осуждает калмычку, ни слова не сказано о бессердечии или безответственности женщины. Ее странный поступок свидетельствует, скорее, о страдании, совершенной отрешенности и крайней мере отчаяния. Кажется, что повествование писателя, напротив, пронизано скорбью за человека, попавшего в «месиво» кровавой смертельной схватки двух миров.

Оставленные в возилке дети плакали, не умолкая. Пообещав им вернуться, рассказчица повела мужа вперед, в неизвестную ей самой сторону. Дойдя до края станицы, она постучала в первый же дом, так как дальше идти было уже некуда. Вышел старик. На просьбу помочь им спастись от красных дед ответил:

— *Трое сыновей моих в большевиках, с вашими воюют... да жалко мне вас, молодые вы, идите за мной* [Балыков 2014: 123].

Старик спрятал людей в маленькой пустой землянке, на печи. Запер дверь и ушел. По воспоминаниям рассказчика, уже в потемках он принес им кусок черного хлеба, «восьмушку» [Балыков 2014: 123] сала и сказал, что красные расположились в станице, однако сыновей его с ними почему-то не было. «Полежите тут до утра, а утром поведу вас к начальнику и заступлюсь, чтобы не стреляли в вас» [Балыков 2014: 123].

В этом эпизоде с участием старика, поэтический портрет которого прекрасно выполнен писателем, заложен определенный смысл. Акцентируется нравственная определенность в рассказе, связанная непосредственно с его образом. Доброта, помноженная на сострадание, — проявление нравственной идеи калмыков: помочь слабому. Неслучайно этот этический принцип поведения людей находит свое место в сокровищнице мудрости калмыцкого народа: «птица сильна крыльями, человек — помощью». Вкус сала и куска черного хлеба, невкусного и твердого, как камень, были в тот момент лучше всего на свете, потому что смерть миновала, и такой радости и счастья рассказчица не испытывала никогда в жизни: «<...> Опять дал хлеба и сала. И удивительное дело: то, бывало, ни курятина, ни кислое молоко, ни яйца всмятку не пере-

варивал желудок, все капризничал, а тут твердый хлеб и сырое сало так идет, что лучше некуда» [Балыков 2014: 124].

По словам главной героини, накрывшись сухой коровьей шкуркой, они пролежали в укрытии до утра, губы все это время «сами собой шептали слова молитвы» [Балыков 2014: 123]. Только к утру все стихло. Через два часа после рассвета снова зашел старик, сообщив, что «пришли ваши» [Балыков 2014: 124]. Все еще не веря, муж с женой вышли из укрытия. Во двор въезжал конный казак, это означало, что бои в станице действительно утихли.

Оставив мужа у своего «спасителя», вспоминает рассказчица, она пошла искать вчерашнюю возилку, в которой остались дети. Ее эмоциональное состояние достигает кульминации, когда она становится свидетелем страшной расправы, самосуда, который учинили красноармейцы над тысячами ее земляков:

... Быков у возилки уже не было. Вокруг возилки валялись разбитые сундуки, там и здесь валялись халаты калмычки, шапочки; вдруг вскрикнула я от страха: под возилкой лежали голые, как поросята, вчерашние дети с раздробленными головами и выпущенными кишками.

<...> Пришла на площадь: стоят без коней и быков много-много подвод, везде пораскиданы калмыцкие сундуки, всякая одежда, а между подводами, то в одиночку, то целыми группами лежат раздетые трупы убитых мужчин, женщин и детей. У одних вытек мозг, у другого выпущены внутренности, везде кровь, кровь и кровь... Между ними бродят голодные собаки... Затошило меня, залихорадило, и побежала прочь...

Вдруг слышу я какой-то голос. Повернулась и вижу, сидит у своей будки на возилке молодая калмычка, качает окровавленного ребенка, мертвого, а сама, вся вымазанная в грязи, простоволосая, без шапки и, блаженно улыбаясь на небо, тихо поет калмыцкую колыбельную песню. На меня и не посмотрела... <...> [Балыков 2014: 125].

Реализм автора суров и беспощаден, но такова была действительность, объективная реальность того времени. Картины революционного состояния мира Санжи Балыков изобразил согласно своей манере — не отходя ни на шаг от исторической правды. Его рассказы о Гражданской войне локальны, действие происходит в один день, а порой в несколько часов, и сосредоточено (чаще всего)

на истории из жизни одной семьи. Автор, как правило, не датировал свои творения⁴. Можно предположить, что они были написаны в одно и то же время, после войны. В них писатель является и главным героем, и рассказчиком одновременно. В русской литературе есть понятие «маленький человек», под которым подразумевается человек безвредный, смиренный, не по своей воле находящийся в конфликте с государством, властью или с теми людьми, кто выше его в социальном статусе. «Маленькие люди» произведений С. Балыкова — обездоленные, униженные, нищие, больные, беззащитные, растерянные, угнетенные, с «исковерканной судьбой», по вине времени и государственной системы идущие прямой и верной дорогой смерти без надежды на справедливость. Этот момент является объединяющим для многих его рассказов, ярких, правдивых и при этом источающих скорбь. Leitмотивным содержанием рассказов С. Балыкова является мысль о том, что любая жестокая, всеразрушающая война, по сути, бестолковая идеологическая «битва», грозит вымиранием ни в чем не повинного населения, а потому может расцениваться даже не как национальная, а как мировая катастрофа. Что касается мемуарных очерков С. Балыкова, то благодаря документальной точности, которой придерживался писатель, у читателя есть возможность узнать подробности основных сражений Зюнгарского и других Донских полков, познакомиться с биографией и основными моментами служебной деятельности известных военных деятелей, с нескучной, а порой веселой жизнью донских казачьих юнкеров, ставших впоследствии известными командирами, видными общественными деятелями в эмиграции. В произведениях Санжи Балыкова прослеживаются основные моменты возникновения калмыцкой эмиграции, а также предшествующие этому явлению события, например, поэтапный переход в казачество в жизни донских калмыков. По следам своей памяти писатель восстанавливает весь исторический фон вынуж-

---

⁴ В сборнике «Сильнее власти» только три рассказа имеют авторскую датировку: «Мать» (1936), «Победа» (1936), «У незримой стены» (1920). Точное время написания имеют также повесть «Заламджа» (1944) и роман «Девичья честь» (1938).

денной эмиграции калмыцкого народа, выстраивая полную картину событий. Живая память — главное качество этих произведений, каждое из которых является достоверным историческим документом. Неслучайно говорят, что истоки настоящего искусства кроются в глубинах личности писателя, а точнее — в его судьбе, которая тонкими и невидимыми нитями всегда связана с реальной исторической действительностью.

Литература

- Балыков 1993 — *Балыков С. Б.* Девичья честь. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.
- Балыков 2014 — *Балыков С. Б.* Сильнее власти. М.: Библиотека мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2014. 253 с.
- Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: НПП «Джангар», 1998. 236 с.
- Зритель 1948 — *Зритель*. Собрание посвященное памяти писателя С. Б. Балыкова // *Обозрение*. 1948. № 25. С. 5.
- Иванько, Наберухин, Орехов 1968 — *Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов В. И.* Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.
- Калинин 2012 — *Калинин И. М.* Под знаменем Врангеля: заметки бывшего прокурора. М.: Традиция, 2012. 464 с.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Султанов 2007 — *Султанов К. К.* Символика и образ «другого» в литературе северокавказской диаспоры // *Литературное зарубежье*. Лица. Книги. Проблемы. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН. С. 4–23.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, КИОН РАН, 1992. 320 с.